

**«ЕВРОПА МИНУС РОССИЯ: ГОД СПУСТЯ; А ЕЩЕ ЧЕРЕЗ ГОД?»**

**Владимир Андреевич Орлов, директор, ПИР-Центр**

Стенограмма заседания Международного клуба *Триалог*

*19 марта 2015 г.*

**В.А. Орлов:** Доброе утро, уважаемые члены клуба *Триалог*, дорогие друзья.

Сегодня я дважды нарушу традицию, сложившуюся на клубе *Триалог* за последние двадцать один год. Первое нарушение — это то, что за весь двадцать один год я никогда не был основным докладчиком, keynote speaker-ом. Сегодня я нарушаю это негласное правило.

Вторым нарушением будет то, что уже через одну минуту я переключусь на английский язык как основной и буду делать свой доклад на английском языке. Может быть, затрудню жизнь переводчику, который будет меня переводить для вас на русский язык, и, может быть, сделаю мое выступление чуть-чуть более долгим, чем было запланировано.

Причины таких злоупотреблений, я надеюсь, уважительны, хоть и грустны. Я считаю, что мы имеем крайне тяжелую ситуацию в области европейской безопасности. Мне показалось важным поделиться с вами своими соображениями по прошествии одного года с воссоединения Крыма с Россией и обострения украинского кризиса.

Когда мы выбирали название презентации, можно было пойти двумя путями в интерпретации этого названия. Если написать «Европа минус Россия», это может Европа минус Россия, но это может быть не минус, а тире, то есть «Европа-Россия». Минус — это минус, тире — это связь. Я попытаюсь объяснить на следующем слайде, что здесь выбрать: «Европа минус Россия» или «Европа-Россия»?

Мы встречались здесь в гостинице «Украина» год назад, обсуждали ситуацию на Украине. Кажется, это было 3 марта, за несколько недель до подписания в Москве договора о вхождении Крыма в состав России. У нас была достаточно живая дискуссия по этому вопросу, здесь, в историческом здании гостиницы «Украина», что довольно символично. После этой встречи я пошел на другую встречу через мост. Я поделился со своим информированным влиятельным собеседником некоторыми идеями, которые мы обсуждали здесь, результатами нашей дискуссии. Он на меня посмотрел, улыбнулся очень печально и спросил: «Вы понимаете, что происходит?» «Да, конечно, - я сказал, - вот такие у нас есть сценарии, вот такие, думаю, что да». Он сказал: «Нет, это может быть хуже, гораздо хуже». И практически в шутку, но уже без улыбки, я спросил: «А мы что говорим о новом возможном Карибском кризисе?» Он ответил: «Нет, не

Карибском». Единственная хорошая новость, о которой можно говорить в течение этого года, это то, что у нас не было повторения глобального мирового ядерного кризиса.

Сейчас я скажу несколько слов о минусе, о том, откуда и когда мог взаться этот минус во взаимоотношениях. Так же поговорю том, как я вижу ситуацию. Наконец, вечный вопрос «Что делать?» Буду говорить о том, что, я считаю, может быть сделано.

Многие из вас, конечно, читали этот знаменитый доклад Палаты Лордов, который критикует Евросоюз, критикует деятельность британского МИДа в том, что касается замедления с пересмотром своей политики ввиду кардинальных изменений в России. В докладе говорится об утрате коллективных аналитических способностей, которые ослабили возможность государств-членов понимать политические изменения в России. Я читал этот доклад, я думал: «Я встречал прекрасных дипломатов, которые работают в Москве. Многие из них члены клуба *Триалог*. А что вообще пошло неправильно, чего не хватало? Может быть, не хватило любопытства касательно ситуации, может быть, просто расслабились».

Все сигналы уже были в течение последних десяти лет. Эта карта 2003 года, это открытый доклад Министерства Обороны Российской Федерации, и здесь говорится о восприятии Россией различных угроз. Здесь указываются угрозы со стороны НАТО. Это точка зрения Генштаба, которая привела к конкретным выводам, конкретным действиям. Здесь, вот этот большой круг — это не угрозы, это возможности стратегического, военного сотрудничества с Китаем, с ШОС. И опять же, это все сигналы, сигналы, которые говорили о возможности появления минуса.

Для тех, кто не смотрел на карты Генштаба, в 2007 году в Мюнхене Президент Путин изложил эту точку зрения, связанную с тем, что Россия не довольна ситуацией, что существующая однополярная модель неприемлема, и неприемлемо мироустройство, которое обеспечивает безопасность и процветание для избранных, а не для всех. Для тех, кто не прислушался и не услышал эту мысль, мы говорим о статье генерала Балувевского в журнале ПИР-Центра *«Индекс Безопасности»*. Здесь он писал о том, какие неприемлемые варианты для России он видит. Он говорил больше, чем Президент, больше, чем политики, потому что он не политик, он из военных. Он говорил о том, что Россия — это не Европа и не Азия. Россия — это даже не Евразия, и неприемлемо навязывание России европейской модели.

Кроме того, Алексей Пушков — человек для многих известный. Многие из нас знают его как журналиста, который высказывает свою точку зрения. Так же он работает в комитете Государственной Думы и очень хорошо чувствует атмосферу, изменение атмосферы Кремля из-за того, что у него очень хорошая интуиция и потрясающие контакты. За год до украинского кризиса я встретился

в Госдуме с Лешей. Я как раз записывал для журнала ПИР-Центра его точку зрения, и он мне рассказал, что он думает, и как он видит ситуацию.

Он сказал, что решение по ключевому вопросу уже принято: будет конфликт ценностей в Европе, и идеологический конфликт примет новые формы. Здесь его прямая цитата на слайде.

В общем, для тех, кто мог и хотел где-то прочитать, оценивал ситуацию, все эти послы и сообщения существовали, они уже были. Я знаю, что многие европейские дипломаты, которые работают в Москве, замечательно говорят по-русски, путешествуют по России, может быть, больше чем я, читают русскую литературу, может быть, больше чем я, и, конечно, знакомы с современными российскими авторами. В 2006 году Владимир Сорокин опубликовал свою антиутопию, «День опричника». Это было видение возможного будущего, а также взгляд в российское прошлое, наследие Ивана Грозного и идеи о том, что может быть в России в 20-е, 30-е годы XXI века.

В 20-е, 30-е годы XXI века Россия — это, совершенно точно, Россия минус Европа. То, что отделяет Россию и Европу — газовая труба, которая проходит под построенной стеной. Россия решает, когда отключать газ, когда нет. И здесь устами главного героя, представителя силовиков, говорится, что ему совсем не жалко европейцев, которым газ отключили. Ничего, они могут поесть несколько дней холодное фуа-гра, приятного аппетита. И он, в общем, даже не против того, что европейцы страдают. Как он говорит, китайцы умнее оказались. Важно то, что это не просто хорошая литература. Для целей нашей беседы мы можем сказать, что целый ряд ключевых фигур силовиков, представителей правоохранительных органов не так тесно связаны с Европой, как европейцы думали. Они думали, что их дети учатся за границей, деньги за границей. Но целый ряд представителей новой элиты несколько лет назад сделали свой выбор и решили, что они будут жить в России, их дети останутся в России и, может быть, стоит выдавить остальных инакомыслящих из России. Сорокин очень хорошо это описал в своей повести.

Для тех, кто читал художественную и нехудожественную литературу, не сюрприз и не неожиданность то, что произошло. А теперь надо думать, что можно сделать. Теперь российское стратегическое планирование, то, что планировалось год назад на срок 10-15 лет — это председательство в «Большой восьмерке», этого нет. Сочи, Олимпиада, которая прошла — это выигрыш, но подзабыта из-за событий, которые произошли после. Кроме того, мы всегда помним, что футбол, так или иначе, связан с политикой. То, что происходит сейчас — председательствование в ШОС, председательствование в БРИКС. Конечно, это не может перевесить председательствование России в «восьмерке», но тем не менее, требует определенных энергетических и творческих затрат для того, чтобы продвинуться вперед.

Внутри страны все достаточно спокойно, через год будут выборы в Государственную Думу. Государственная Дума — это достаточно живой орган, и не все там организовывается Президентом, потому что у представителей существуют свои роли, которые они должны играть, свои функции, особенно они активизируются перед выборами. Сейчас еще слишком рано говорить о выборах 2018 года. Наконец, в 2020 году должны быть представлены результаты определенных программ, вот тут я даже затрудняюсь сказать, потому что реальный 2020 год выглядит даже более нереальным, чем литературный 2030 год в антиутопии.

И еще, это то, чего нет на слайдах, это 2017 год и годовщина, празднование переворота, революции 1917 года, то, что здесь было известно как Великая Октябрьская социалистическая революция, революция большевиков. И опять же очень важно, как Президент Путин это представит идеологически. Что сейчас волнует Кремль? О чем там говорят, шепчут, думают? Скорее я стараюсь читать по губам, не читать мысли.

Все совершенно непонятно: глобальный мировой порядок, глобальный мировой беспорядок. То, что ничего не понятно приводит к хаосу, и это действительно всех очень волнует. Основная причина не исламский радикализм, не какие-то другие вещи, а всеобщий диктат и использование американских шаблонов для решения проблем. И точка зрения следующая: шаблоны должны быть изменены. Мы совершенно явно в ситуации Холодной войны 2.0. Но из-за того, что времена новые, технологии новые, военные технологии новые, это ситуация выглядит несколько приятней, чем выглядела длинная затяжная большая Холодная война. Но вот это и опасно, вот такое ощущение теплого марта, скидываете одежду, и вас тут же продувает по полной программе.

Что об этом думает население России, общественность России? Конечно, многие из вас мне скажут, что у населения промыты мозги с помощью телевидения, но всем мире населению промывают мозги с помощью телевидения. Но все-таки, что они думают?

Считается, что санкции — это достаточно тупая мера. Во всяком случае, в России 57% населения не верят в то, что санкции вредят только России. Они считают, что санкции вредят равным образом и России, и Западу. Из-за этого эти санкции скоро отменят. Правильная эта точка зрения или неправильная, но она указывает на то, что люди не испугались и не стали критиковать режим Путина, а скорее стали поддерживать и более антизападно настроены, чем, когда бы то ни было. Если говорить о взгляде в будущее, достаточно энергичный взгляд в будущее поддерживает большая часть населения, поддерживает возвращение образа России как сверхдержавы советского типа и меньше рассматривает мерило своего успеха и успеха страны в виде экономического успеха.

Восприятие угрозы общественностью и населением. Это данные опросов в ПИР-центре, различных опросов 2006 года, а также опросов Фонда Общественное мнение 2014 года. Их нельзя сравнивать с точностью в 100 %, потому что несколько разные вопросы были заданы. Но, тем не менее, ситуацию можно оценить с помощью этой информации.

То, что касается ядерной угрозы, этого кошмара, повторения возможного Карибского кризиса, в 2006 году одна треть населения России говорила о возможной ядерной угрозе со стороны Соединенных Штатов. Так же говорили о ядерной значимости Китая, Ирана. Совершенно явно они не знали, что у Ирана нет ядерного оружия, они не посещали курсы ПИР-центра, это просто население. И вот 2014 год, больше 50% населения моей страны верит в то, что Соединенные Штаты используют или ядерное оружие, или угрозу применения ядерного оружия, если это будет возможно. Не сигнал ли это российскому руководству и российским военным со стороны населения?

Последнее, опять же важное представление о ситуации в том, что российское население считает, что Европа отрезает Россию отказом отменить визовый режим, потому что существуют безвизовые режимы со странами в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии. В том, что есть визы в Европу россияне разочарованы и считают, что причины в Европе. Хотя мы знаем, что в Европе существуют свои аргументы с этим связанные.

Опять же мы видим, что серьезно сокращается количество людей, которые путешествуют в страны Евросоюза, и это не связано со списком 100 человек, которые попали под санкции. Здесь тенденция будет продолжаться, люди разочарованы, и нельзя обвинять в этой ситуации только слабый рубль. Можно говорить здесь и о роли бюрократов Евросоюза, которые были глухи к пожеланиям россиян.

В результате последнего года возник класс людей, которые считают себя победителями. По крайней мере, у них есть причины называть себя сейчас победителями. Этот тип был описан Владимиром Набоковым много лет назад: «Смесь черносотенства с советофильством, для которых идеальная Россия состояла бы из Красной Армии, помазанника-государя, колхозов, антропософии, Русской церкви и гидроэлектростанций».

Совершенно явно, Европа и Запад попали в ловушку санкций. Россия тоже в нее попала. Все это связано с неправильными расчетами, рассуждениями. Вы все видите на экране. Это текст отчета Европейского совета по международным отношениям, связанного с этим вопросом. Здесь как раз говорится, что с этой санкционной ловушкой вы уничтожаете тех, кто является другом Запада в России, а силовики становятся сильнее, чем прежде.

Конечно, нравится вам российская внешняя политика или нет, в ней существуют противоречия. Одно из этих противоречий, это то, что требуется модернизация, но при этом, увеличивается изоляция.

Второе противоречие, то, что, с одной стороны, существует статус великой державы. С другой стороны, сложности поддержки собственных инициатив, хороших инициатив, крупномасштабных, многосторонних. Например, это проект Договора о европейской безопасности Медведева. Ведь это была не такая плохая мысль, не такая плохая идея, прочитайте этот проект договора. И в те либеральные времена, когда Медведев был у власти, можно было что-то использовать, а сейчас у нас нет такого договора. У нас нет дополнительных возможностей, а есть полное безобразие и полный беспорядок.

Так же появляются новые угрозы, угрозы, которые возникают в космосе, космическом пространстве, в киберпространстве. Но это не чисто российские проблемы, это глобальные проблемы, однако Россия — это часть глобальной системы.

В течение последних 10 минут я попробую представить рецепты, какие-то идеи, меню того, что может быть предложено в эти сложные непонятные времена.

Что можно увидеть в качестве положительных факторов, которые будут склеивать Россию и Европу, несмотря на то, что большой минус все еще существует? Во-первых, Россия — это все-таки Европа. Россия будет оставаться Европой несмотря на какие-либо преграды или стены. Культурный код России, здесь я не согласен с генералом Балугевским, культурный код России — это европейский культурный код. Мы знаем европейскую культуру часто лучше, чем многие европейцы, особенно, лучше, чем многие новые европейские граждане.

У нас есть кое-что в области безопасности, что не было уничтожено, хотя возможность уничтожения всегда существует. ДОВСЕ, конечно, нет. Совет Россия-НАТО существует в режиме глубокой заморозки. Опять же существует ОБСЕ, и в прошлом году довольно мудрое председательствование продемонстрировало, что что-то можно сделать. Нельзя, конечно, оставаться полностью романтиками, в отношении этого существует определенный мандат, но он существует. Существует РСМД, это жизненно важный договор для европейской безопасности. Есть самые разные идеи, как сделать его многосторонним. Другие идеи состоят в том, что он не нужен, идеи, возникающие как в Вашингтоне, так и в Москве, поэтому все это висит в воздухе. СНВ-3 для Европы, для мира, по крайней мере, пока не выглядит жертвой нынешней ситуации. Мы не можем ожидать здесь приятного продолжения банкета в части этого договора и новых договоров, не в данной обстановке.

Что важно, если Европа выберет диалог, а не уродливую, безобразную, ни к чему не приводящую конфронтацию.

Первое, об этом говорил Путин в Валдае, что важнейший момент — это уважение, то, что можно договариваться и добиваться определенных соглашений, как показывает ситуация по Иранской ядерной программе. Конечно, в Европе будет очень трудно населению представить вот эту идею согласия и соглашений, после всего того, что произошло.

Но опять же, то, что говорил Путин, когда очерчивал определенные границы, оставьте медведя в покое, у себя в тайге, из тайги он уходить не собирается и дальше не пойдет. Опять же Сорокин за восемь лет до Путина описывал силовиков, опричнину, которые вполне довольны тем, что собой на тот момент представлял русский медведь, который избавился от этой гнилой европейской крови. Опять же не надо забывать об этом стереотипе – медведе, не надо забывать о том, что стереотип существует.

Можем ли мы вновь выстроить наши отношения? Конечно, существует более тесное сотрудничество с Азией, но никто не планирует проводить его за счет Европы. Возможно, сейчас это частично происходит в этой ситуации, но все это планировалось, и планируется то, что мы будем делать это вместе, что будет треугольник и ни одна из частей этого треугольника ни хуже или лучше других, они существуют вместе. Да, сейчас существуют более тесные военные, политические, экономические отношения с Китаем, но не все инвестиции будут туда отправлены, если будут другие сигналы из Европы.

Некоторые, например, Иосиф Бродский, называли Россию *Азиопой*, то есть частью Европы, которая граничит с Азией. Некоторые называют Россию Дальним Востоком Европы, и я считаю, что Россия — это Дальний Восток Европы.

Вообще, можно говорить о разочаровании во внешней политике. Россия, получается, очень много сделала для сближения стратегических и военных связей Европы и Соединённых Штатов. Это особенно иронично после разоблачений Сноудена, которые должны были отдалить Европу от Соединённых Штатов и сделать ее более критичной в отношении США. Если мы сейчас просто сядем и подумаем, забыв о кризисной ситуации, мы увидим, что здесь интересы России и Европы больше совпадают, чем мы думаем.

Возможно ли добиться каких-то позитивных результатов в этой ситуации? Теория говорит, что это возможно. История также показывает, что в прошлом это было возможно. Когда советские войска вошли в Чехословакию, в то же самое время принимался Договор о нераспространении ядерного оружия, это было за семь лет до Хельсинского Заключительного акта. Для этого необходимы смелые решения и изменения парадигмы с обеих сторон.

У нас не будет полномасштабного сотрудничества в области безопасности с Европой, но у нас может быть что-то вроде общества с ограниченной ответственностью. Ведь это тоже товарищество, это тоже сотрудничество. Если Европа готова работать больше в русле творческой дипломатии, а не заниматься созданием собственных армий, тогда возможно что-то сделать. Но в начале необходимо решить самую срочную проблему — разрешить украинский кризис.

Некоторые коллеги уже слышали мою точку зрения, я ее уже высказывал. Я об этом говорил и год назад и сейчас продолжаю. Здесь необходимы три момента. Первое, это федерализация или децентрализация. Второе, нейтральный статус. Третье, это совместное российско-европейское постконфликтное возрождение Украины.

Людям не нравится эта программа целиком, одним не нравится один пункт, другим не нравится другой пункт. Но если хотя бы один пункт отсюда убрать, она не будет работать.

Если можно будет разрешить эти позиции, тогда можно будет работать и над реформой ОБСЕ, и над новыми договорами в области обычных видов вооружений, о создании безъядерных зон, не только в Африке или Антарктике, но и на территории Европы. Россия и Европа могут вместе с Китаем или без Китая, самостоятельно, решать вопросы, готовить договоры по космосу, кибербезопасности, по нашим собственными внутренним вопросам, связанными с проблемами миграции, терроризма и экстремизма. Это реалистично в краткосрочной перспективе?

Я заметил, что мои часы настроены на центральноевропейское время. Как раз 8 утра в Европе. У нас еще немного времени осталось. Мы, конечно, можем обсуждать это и на следующих заседаниях клуба *Триалог* или в ПИР-Центре, но я скажу следующее: эта возможность, этот шанс существует, но это очень небольшая возможность.

Собственная презентация привела меня к неутешительным выводам. К сожалению, я не вижу с обеих сторон воли проводить творческую работу, творчески менять парадигмы, поэтому ситуация может стать еще уродливой. Спасибо.

**Томаш Зипфел:** Я представитель отдела военного атташе посольства Чешской Республики. Было очень интересно выслушать Вашу презентацию, Ваши выводы. Я благодарен господину Орлову, хотя это очень пессимистичный вывод и, может быть, то, что я скажу, несколько Вас шокирует, но я скажу следующее.

Если большинство людей живут в семьях, в каком-либо партнерстве, если два партнера не общаются друг с другом, не слушают друг друга, не понимают друг друга, это неизбежно приведет к конфликту, конфликт здесь просто неизбежен.



И наверно, это то, что происходило с Россией и с Европой. Сейчас происходит трагедия — люди действительно умирают, хотя, наверно, это неизбежное развитие ситуации. Конечно, существуют страдания людей, но конфликт на этом не заканчивается. И когда конфликт закончится, это приведет к каким-либо долгосрочным решениям для России, для Европы.

Есть одно чешское стихотворение, в конце которого говорится: «Если ты меня оставишь, ты умрешь». Так и здесь. Я думаю, что Россия — это часть Европы и не просто географически. Мне кажется, что центр тяжести России в Европе. Да, конечно, очень большая часть России находится не в Европе, за Уралом, она большая, она важная, но это только часть России, а центр тяжести в Европе.

Я согласен с господином Орловым в том, что касается культурно-исторических связей, потому что вклад России в культуру и историю Европы огромен. Без России культура и история Европы были бы другими, а некоторые государства в Европе без России просто не существовали бы. И еще, что касается ценностей, некоторые люди не согласны здесь со мной, и пусть мне тогда докажут, что существует какая-то разница между европейскими и российскими ценностями. Мне кажется, что у нас общие ценности.

У России нет альтернатив кроме Европы. Некоторые говорят о Китае, но я не знаю, такая ли это позитивная альтернатива. Европа не хочет и не может проглотить Россию, в отличие от Китая.

**С.И. Андрианов:** Большое спасибо, Владимир Андреевич за интересную презентацию, у меня следующий вопрос. Еще до Минских соглашений, ряд экспертов как в Киеве, так и в Москве отмечали, что переговоры не дадут действительно значимых результатов, участники лишь договорятся договариваться. Что собственно говоря, на мой взгляд, и произошло. В комментариях к данной точке зрения, было дано то, что невозможен реальный прогресс в урегулировании украинского конфликта без более активного участника, третьей стороны. Речь идет о Соединенных Штатах Америки. И мой вопрос следующий: «Каковы перспективы участия Соединенных Штатов в открытом процессе мирного урегулирования как стороны переговорного процесса?»

**В.А. Орлов:** Я благодарю господина Андрианова за этот вопрос и сразу скажу, что я не согласен с такими возможными постановками вопроса о включении Соединенных Штатов. Соединенные Штаты внесли, к сожалению, слишком много в дестабилизацию украинской ситуации, но это не повод, чтобы их сейчас звать. Я думаю, что мы в нашем трудном европейском доме способны выстроить такой диалоговый процесс сами. Спасибо.

**Е. П. Бужинский:** Разрешите мне воспользоваться своим правом председательства — я тоже хочу сделать небольшой комментарий.

Вы знаете, последние несколько месяцев – где-то полгода – в разговоре со своими коллегами европейцами, американцами все чаще звучит такой шутливый вопрос – когда начнем воевать? Конечно, все это воспринимают как шутку, но есть старая такая поговорка, что в каждой шутке есть доля шутки. Все как заклинание произносят мантру, что военного решения украинского кризиса не будет. Это действительно так. Единственное, что политическое урегулирование, к сожалению, в России и в Европе понимается несколько по-разному.

Политическое урегулирование украинского кризиса в Европе к сожалению, полностью совпадает с украинским, с позицией Киева. Оно очень простое – перекрываем границу с Россией, а дальше мы сами с ними разберемся, это наше внутреннее дело. Как киевское руководство умеет разбираться с несогласными – мы уже увидели. В Одессе, в других городах ... Поэтому с нашей точки зрения, с точки зрения России, это неприемлемо.

Поэтому то, что сказал Владимир Андреевич по поводу политического регулирования – без решения вопроса Донбасса, политического решения, гарантий населению Донбасса – никакого урегулирования быть не может. Более того, я еще год назад я очень так осторожно относился к идее прямого вмешательства России в украинский кризис – военного вмешательства. После того как российский президент несколько раз повторил, что Россия не допустит военного поражения ополченцев Донбасса, которые с его точки зрения, и с точки зрения российского руководства означает физическое истребление определенной части населения Донбасса, я начал понимать, что в случае продолжения политики на военное решение со стороны киевского руководства, все это может закончиться очень плохо. Может закончиться действительно прямым российским военным вмешательством в украинский кризис.

Я уверен, что целый ряд политиков в Европе начал эту перспективу осознавать. Поэтому появился Минск-2 и беспрецедентные усилия президента Франции, канцлера Германии по выработке какого-то компромиссного политического решения.

К сожалению, сейчас есть все признаки того, что вот этот механизм, который выработан в Минске – политический механизм – начинает буксовать. А начинает он буксовать, по моему убеждению, потому что в Киеве не существует партии мира. Вот все говорят – есть партия мира – это Порошенко, голубь такой мира, и есть партия войны – за нее Турчинов Аваков и так далее. Нет, это не так. Все они придерживаются одних убеждений, все они принадлежат к одной партии, и, к сожалению, мир эта партия не исповедует.

Я все-таки надеюсь, что осознание того, что все это может закончиться очень плохо для Европы, для России и для Украины в первую очередь...этот конфликт, к сожалению не закончится. Только когда придет осознанию всего этого, тогда может быть начнутся действительно реальные шаги по

компромиссному решению кризиса, пусть не очень хорошего для Киева, пусть не очень хорошего для России и Европы, но оно должно быть найдено. К счастью, даже в США начинают раздаваться голоса против поставок тяжелых вооружений на Украину, но они не решают вопрос. В Киеве достаточно тяжелых вооружений. Да, старых, советских, но тех вооружение, которые украинцы умеют пользоваться. Для того чтобы научить их пользоваться американским оружием или европейским – туда нужно прислать инструкторов, специалистов. Это уже совершенно другой уровень этого кризиса.

На этом я закончу свой комментарий. Спасибо.

**Роберт Пшель:** Спасибо большое за презентацию. Спасибо за то, что Вы обсуждаете эту серьезнейшую проблему, это действительно крупнейшая проблема.

Мое любимое русское блюдо — это блины с икрой. Люблю я блины с икрой, а здесь получилась солянка. Солянка — это ничего, но это все-таки солянка. Здесь нет времени обсуждать все моменты, я не согласен с некоторыми культурными моментами. Достоевский, Чехов это, конечно, замечательно, но собственно почему если есть Достоевский и Чехов вы понимаете лучше европейскую культуру? Это может быть и не так.

Вы здесь говорили о различных наблюдениях, о европейских аналитических центрах, таких как Палата Лорда и прочее. Но мне бы хотелось понять, что Вы думаете. Потому что получилась смесь каких-то официальных цитат, которые мы можем прочитать, можем услышать по телевизору. В конце были Ваши мысли, я согласен с Вашим выводом. Опять же я пессимистически оцениваю все, но по другим причинам.

Дело в том, что какие-то причины здесь не были обозначены. Опять же, это Ваш выбор, освещать эти причины или не освещать. Здесь мне бы хотелось процитировать известнейшего российского пропагандиста Киселева, «давайте говорить правду». Запад — это Европа, США, Канада, не надо забывать Канаду. Мы очень много сделали в течение прошлого десятилетия и здесь также есть на что пожаловаться.

Я буду краток. Мы годами слышали какие-то вещи, которые никак не аргументировались для того, чтобы российскую точку зрения поддержать. Например, Договор о европейской безопасности. Причина была в том, что проект договора составлялся совершенно явно для того, чтобы разделить Европейский Союз и НАТО. Во-вторых, обсуждался он не совсем правильно, не на тех площадках, в ОБСЕ. Ключевой здесь момент — доверие России, а России сейчас не доверяют, и настоящие намерения России. Что делает реально Россия?

Если говорить о том, что говорил Бжезинский, правда, в другой ситуации, у него был совершенно неправильный анализ. Тем не менее, самое главное здесь

это возможность военного конфликта, это то, что заслуживает внимания. Ваша оценка: что делать, чтобы избежать этого военного конфликта? Или, если быть чуть-чуть менее пессимистичным, чтобы избежать военных столкновений и инцидентов.

**В.А. Орлов:** Спасибо, Роберт, за комментарий и вопрос.

Прежде всего, я люблю борщ, не блины и не солянку, хотя их тоже уважаю. Я не выясняю национальность борща, мы можем потом подискутировать по этому вопросу, но для меня борщ — это просто вкусная еда. Пусть она будет русская, украинская, польская, общеевропейская, мне это не важно. Если хороший борщ, еще лучше.

Второе, я умышленно выбрал заголовок сегодняшнего выступления, где упоминается слово Европа, но не упоминается слово Запад. Да, есть общие проблемы конфронтации между Россией и Западом, но я хотел сегодня, прежде всего, поговорить о Европе. В этом отношении, я думаю тот комментарий, который сделал Томаш Зипфел, он очень важный для нашей сегодняшней дискуссии и для нашего завтрашнего понимания европейского строительства и, если хотите, европейской перестройки безопасности.

Что касается твоего вопроса, здесь два рецепта. Первый, это, как я уже сказал, разрешение украинского кризиса, и я назвал те три ингредиента, необходимые для этого борща. У нас в ПИР-Центре нет политики, что мы выступает от имени ПИР-Центра, каждый имеет свое мнение, но я соглашусь здесь с оценкой генерала Бужинского, которую он тоже дал.

Доверие появляется в ходе совместной работы или восстанавливается, если эта работа ведется. Мы не сможем, не вы в Европе, не мы в России накачать вот такой шарик, написать на нем «доверие» и сказать, что теперь вот с этим шариком мы идем в гости друг у другу и нам станет проще.

Ты прав, конечно, Роберт, что я много слов привел официальных, но действительно, главный вывод, который сделали в Москве, что наши слова, которые проносились на протяжении 10 и больше лет, их никто не слушал. Их так вот послушали, «next question please, next point please» и проходили, поэтому в Москве и решили, да и не нужны слова, мы покажем, что мы можем действовать, а не просто обещать, что мы зарычим. Вот и все.

**Роберт Пшель:** Это касается обеих сторон, тот же принцип нужно применять и по отношению к нам.

**В.А. Орлов:** Я согласен, что все нужно делать взаимно и смотреть взаимно, глазами друг друга и применять такие принципы, но понимаешь, Роберт, не нравилось здесь никому смотреть на разрушенные мосты в Белграде, здание Генштаба, разрушенное в Белграде. Просто, когда это происходило, зарычать

здесь еще не было ни возможности, ни концепции, а потом несколько лет был расчет на то, что мы объяснимся. А сейчас вера в то, что мы можем объясниться, очень низкая. Сейчас вера в то, что нас слышат, только когда входят вежливые люди. Вот тогда в это веры больше. Это эмпирический опыт. Но другое дело, что правы те, кто говорят, что после этого эмпирического опыта, наверно, снова можно попытаться применить дипломатию.

Но есть, как я сказал, второй рецепт, и он срочный и очень важный. Он гораздо более конкретный и совершенно не философский. Нам нужно снизить риск инцидентов, которые могут случиться в любой момент, когда подводные лодки столкнутся, самолеты столкнутся. Снизить риск ситуации, которую я бы условно назвал «не сшиби по ошибке какой-то «Боинг», вспоминая ситуацию 1983 года и корейского «Боинга». Это сугубо задача практическая, до этого нам не надо доходить. Подлодки все равно будут появляться где-то перед латвийскими пляжами. Будет и будет. Главное, чтобы не было незапланированных сторонами столкновений на суше, на море, в воздухе, и что меня все больше тревожит, в киберпространстве. Спасибо.